

Костёр

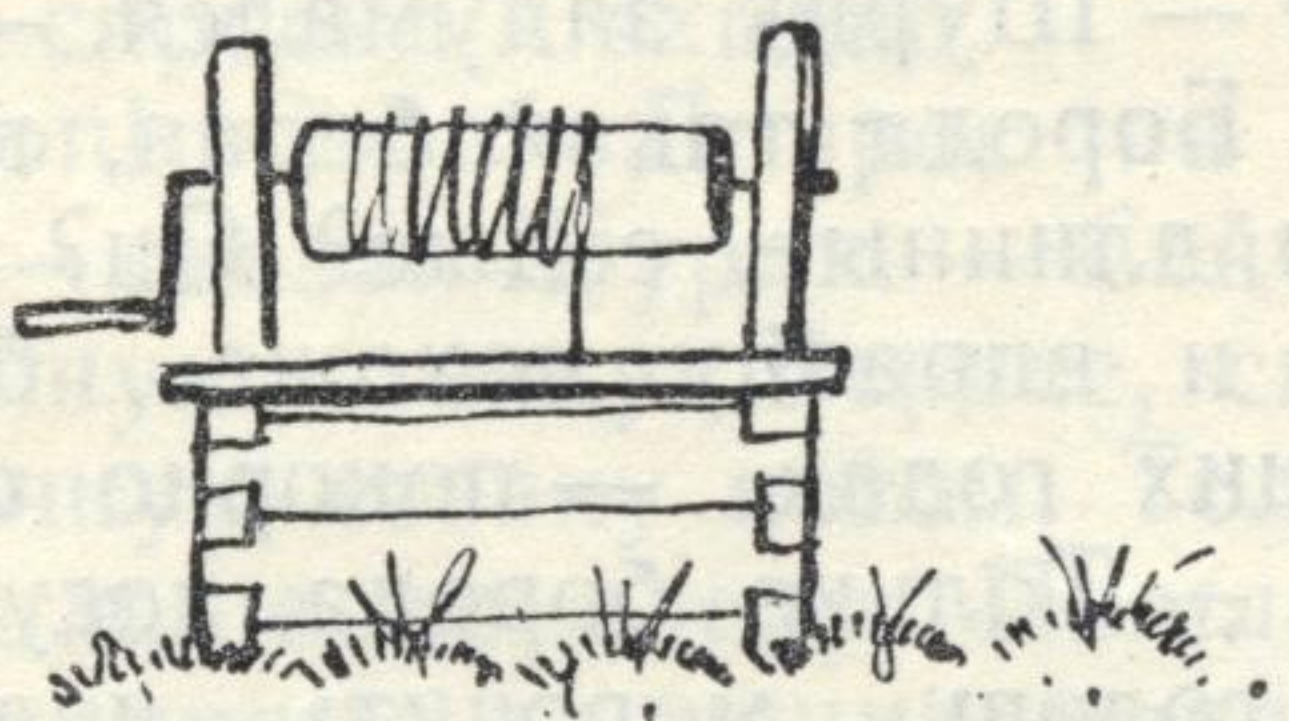
9

СЕНТЯБРЬ
1968

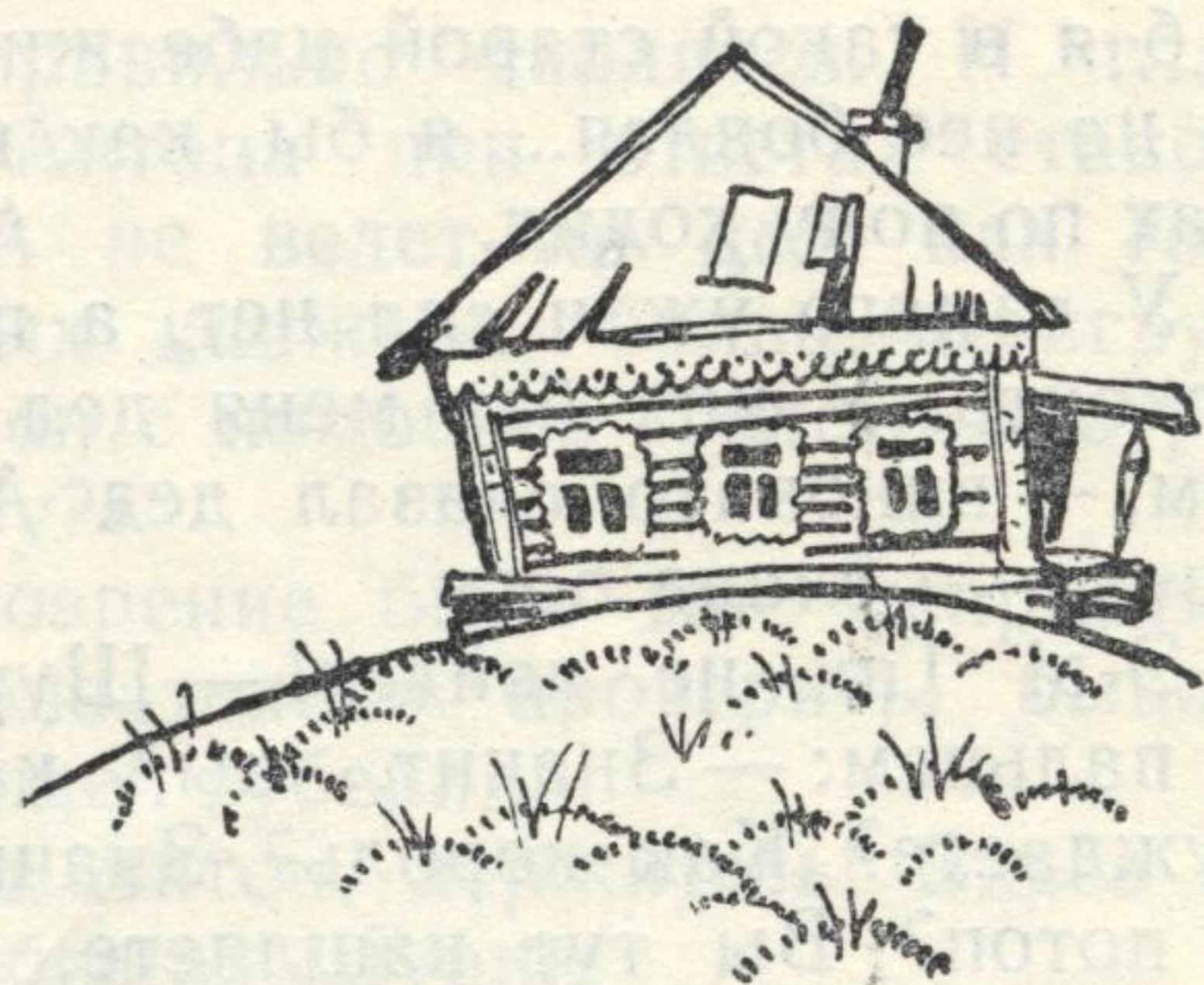
Маленький

РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
"КОСТЁР"

Знаменитая избушка у Антонова колодца

РАССКАЗ

Ю. Алешковский

Рисунки В. Орлова

Однажды мы с Шуриком по страшной жаре шли на озеро. В деревне было тихо-тихо. Даже ласточки не носились в небе. Даже куры не копошились в тени под плетнями, а лежали, распустив крылья. За неделю жары небо выгорело, как моя голубая майка.

Мы шли по дороге, почти по колено в мягкой пыли, но нам казалось, что мы стоим на месте, а пыль обтекает нас, как горячая мягкая речка.

Я то и дело проклинал циклоны и антициклоны и жалел, что из-за жары наша вожатая Валя откладывает поход по местам боевой славы.

Мы брели и брели по дороге, потом окатили друг друга холодной водой у Антонова колодца и подошли побеседовать с самим дедом Антоном.

Он сидел на скамеечке у калитки и сворачивал самокрутку. На ногах у него, как всегда, были старые валенки, на плечах телогрейка, на голове ушанка.

И только мы, приплясывая, чтобы согреться после холодного душа, подошли к деду Антону, он зашелся кашлем и, честное слово, нам стало страшновато, как в кино при первых кадрах журнала «Фитиль».

В груди у деда Антона что-то зашипело и сипло затрещало, как будто в ней горел бикфордов шнур. Дед слегка согнулся, вытаращил глаза, и мы, замерев от страха, бессильные чем-нибудь помочь, ждали мгновенья, когда он взорвется кашлем. И когда дед Антон наконец взорвался, мы с облегчением вздохнули и обрадовались, что его не разорвало на части, как ящик в первых кадрах «Фитиля».

— Хм! Змеиное жало! — сказал дед Антон, вытирая слезы и улыбаясь оттого, что сходу одолел кашель.

— Это у вас все от проклятого самосада, — заметил Шурик.

— Не в махре дело. Изба сырая. Посему и зверствует кашель, — пояснил дед Антон.

Шурик встрепнулся. Ему с самого начала каникул не терпелось чем-нибудь заняться.

— Мы и пришли проверить вашу избу. Нам поручили. Пошли посмотрим.

Я толкнул Шурика локтем, но он только отмахнулся.

Дед Антон, так и не закурив, кряхтя встал, и по тропке, заросшей жесткой травой и подорожником, мы прошли к избе. Мне подумалось, что мало кто ходит к деду в гости, и стало его жалко, старенького и одинокого.

— Ну и ну! — сказал я, а Шурик удивленно свистнул.

Избушка с одного края здорово покосилась, доски цоколя и нижние бревна прогнили, крыша во многих местах была залатана чем попало, а треснутые темные стекла окон заклеены полосками газет.

В общем, казалось, что избушка держится на земле каким-то чудом и что жить ей осталось еще одно лето. А если ураган, то и того меньше. Вот только наличники и резные карнизы все еще были красивы, и резьбы такого рисунка не было больше ни на одной избе в нашей деревне.

— Сколько лет ей стукнуло? — деловито спросил Шурик, пощелкав пальцем по срубу.

— Двести с лишком!.. Сыра... Сыра, — сказал дед Антон.

— Это... э... это значит?.. — прошептал пораженный Шурик.

— Со второй половины восемнадцатого века! — быстро подсчитал я. — Еще крепостные здесь жили... А сколько царей она пережила. А войн? И всего-всего!

Странно как-то было смотреть на избушку, такую древнюю свидетельницу истории. Птицы, когда вили гнезда, повыщипали из сруба шпаклевку, и она торчала, как вата из телогрейки деда Антона.

Тут Шурик разошелся.

— Эх, товарищ дед Антон! Ведь во всех же газетах пишут «берегите старину». А вы? Да

если б я в такой старой избе жил, я бы... дышать на нее боялся... я бы, как в музее, в тапочках по полу ходил.

— У самого уж и сил нет, а правление что беспокоить. У них без меня дел хватает. Доживем, — виновато сказал дед Антон. — День прошел — и слава богу.

— Э-э! Так не пойдет! — Шурик погрозил ему пальцем: — Значит, вы, как Людовик, рассуждаете? Как король? Значит, после вас хоть потоп? Вы тут кашляете, чихаете, здоровье портите, а реликвия... Это реликвия? — спросил меня тихо Шурик. Я кивнул. — Реликвия пропадает на ваших глазах. Ну, теперь я так не оставлю этого дела. Пройдемте внутрь!

Войдя в избу, мы словно окунулись вдруг в озеро: так в ней было сумеречно, прохладно и тихо. И перекошенный пол накренился, будто палуба старого корабля во время шторма. Шурик бегал по избе, ахал, повторял то и дело: «Такая старая реликвия! Ну и ну!» — и тормозил деда Антона. Наконец

менитый человек... Ну... там... путешественник... художник или писатель и запросто с вами разговаривает.

— Бывали и писатели...

— А какие? — Шурик задумался. — Может, Лев Толстой? Борода такая белая, вроде вашей, и волосы длинные, седые? Он?

— Да ведь и вправду похоже... был один такой в больших годах... — покорно согласился дед Антон. — Только борода погуще.

— Хватит голову морочить человеку! — сказал я Шурику. — Пойдем лучше добьемся, чтобы ремонт сделали! Чего уж вспоминать!

— А я вспомню... вспомню... Чего же не вспомнить? — забеспокоился дед Антон.

Я понял, что ему просто захотелось поговорить, потому что скучно сидеть одному и смотреть на дорогу. Шурик же загорелся, словно бы и вправду напал на след Льва Толстого. Дед Антон не успевал отвечать.

— Одет он был как — в толстовку? Знаете — много складок... вроде халата, только через голову одевается. И воротничок белый?

Шурик присел на лавочку и таинственно сказал:

— Ведь раньше ваша изба стояла прямо у дороги, у большака. Так? И вот сидите вы у калитки, покуриваете, а мимо вас проезжает карета и вдруг останавливается. Так?

— Частенько бывало, — сказал дед Антон.

— А из кареты вылезает какой-нибудь зна-

— А и впрямь белый, — подумав, ответил дед Антон.

— В сапогах был?

— А то в чем же? — обидчиво сказал дед Антон.

— Глаза голубые? Пристальные?

— Всего тебя насквозь!

— А нос? Мужественный? Широкий книзу?

— Простой вроде бы нос.

— Все сходится! — чуть не застонав от счастья, крикнул Шурик.

— Ну и что он сказал, когда вышел из кареты? — спросил я ехидно.

— Стоп! Стоп! Допрос на время прерывается! — сказал Шурик. — Сейчас нужно устроить очную ставку. Вернее, сначала опознание, а очную ставку потом. Только тогда двинемся дальше по следу. Пошли!

Шурик прямо вытащил меня из избы. Дышал он от волнения прерывисто и часто.

— Ты понимаешь, завтра весь мир узнает, что Толстой в нашей деревне бывал!

— А почему ты думаешь, что это неизвестно?

— Бывает так! Не все о писателях известно. Я сам видел заголовок в газете: «Новые страницы биографии Лермонтова». Так и с Толстым! Пошли в школу! Быстрее!

Десятиклассники, ожидавшие в коридоре вызова на экзамен, посмотрели на нас с завистью.

В зале, где была галерея великих людей, встав под портретом Толстого, Шурик сказал:

— Давай стул. Снимем его. Не соображаешь зачем? Ну, потом поймешь...

После Толстого мне пришлось снять портреты Тургенева, Чернышевского и дедушки русской авиации Жуковского, так как, по словам Шурика, «опознаваемый» Толстой обязательно должен был находиться среди нескольких человек. Правда, я отказался унести из школы Леонардо да Винчи и Ломоносова, потому что первый жил и работал в древности и никогда не приезжал в Россию, а Ломоносов не имел бороды.

Мы сложили портреты и понесли их, как носилки. Шурик впереди, я сзади. В коридоре нас несколько раз спрашивали: «Куда это вы их?» Шурик загадочно отвечал: «На опознание...»

Хорошо, что десятиклассникам было не до нас.

Из-за того, что в избе было темно, мы решили провести опознание в саду и приставили портреты к стволам яблонь.

— Ну, дед Антон, который был у вас в гостях? — торжественно спросил Шурик.

Дед Антон рассматривал портреты, расспрашивал про каждого великого человека, заботился ли он «о нас, мужиках» и что-то не спешил опознать Толстого. Наконец, смахнув со лба Льва Николаевича белый лепесток яблони, хитро прищурился и сказал:

— Энтот.

Шурик от радости бросился к нему на шею. Мне показалось странным, что все как-то

очень уж правильно сходится. И главное, лицо деда Антона при ответах становится озорным. «А не ведет ли дед, как говорят в детективных книжках, большую игру? Не вздумал ли он с помощью Толстого отремонтировать избу?»

Такое подозрение было мне неприятно, но я решил обязательно проверить, бывал ли Толстой в нашей губернии.

— Ну, дед Антон, держитесь! Здесь музей будет! — пообещал Шурик.

— А меня куда ж? — спросил дед Антон.

— Сторожку выстроят, — успокоил его Шурик.

— Пошли, — сказал я ему. — Надо биографию Толстого теперь почитать. Ты что о нем знаешь?

— Ничего.

— И я ничего. До свидания, дед Антон! Мы скоро вернемся, — сказал я.

— Вот дела! — заахал Шурик. — Он ходил по этой самой дорожке, пил из колодца воду, которой мы обливались! — Это Шурик сказал с упреком. Вроде бы такой водой нельзя нам было и обливаться. — Но мы добьемся. Иди читай биографию, а я пойду подыму в правлении шум.

Мы разошлись в разные стороны.

В школьную библиотеку меня не пустили. Там проходила какая-то инвентаризация. Тогда я пошел к своей соседке, выпускнице Вале Поляновой. Она сидела на крыльце и плакала.

— Засыпалась? — спросил я.

— Четверка, — сказала она.

— Хм... чепуха, — заметил я.

— Для меня это гибель, — твердо заявила Валя.

— А на чем ты засыпалась?

— На Толстом... — Валя всхлипнула.

Мне стало жутковато: в течение дня столько совпадений и везде Толстой, а я только что хотел попросить у Вали учебник литературы, чтобы прочитать его биографию.

— Все ответила... в каком родился и умер, основные романы, — продолжала причитать Валя, — что мяса не употреблял, а почему был зеркалом революции, не смогла с перепугу... раскры-ы-ть...

— Почему же он мяса не ел? — удивился я и сглотнул слюнки.

— Дал клятву на религиозной почве. Стал вегетарианцем. Не курил и не пил вино, вот почему. Всему миру это известно.

— И никогда даже курятину не ел и уху из пескарей?

— Никогда, — сказала Валя.

У меня мелькнула удачная мысль, и только

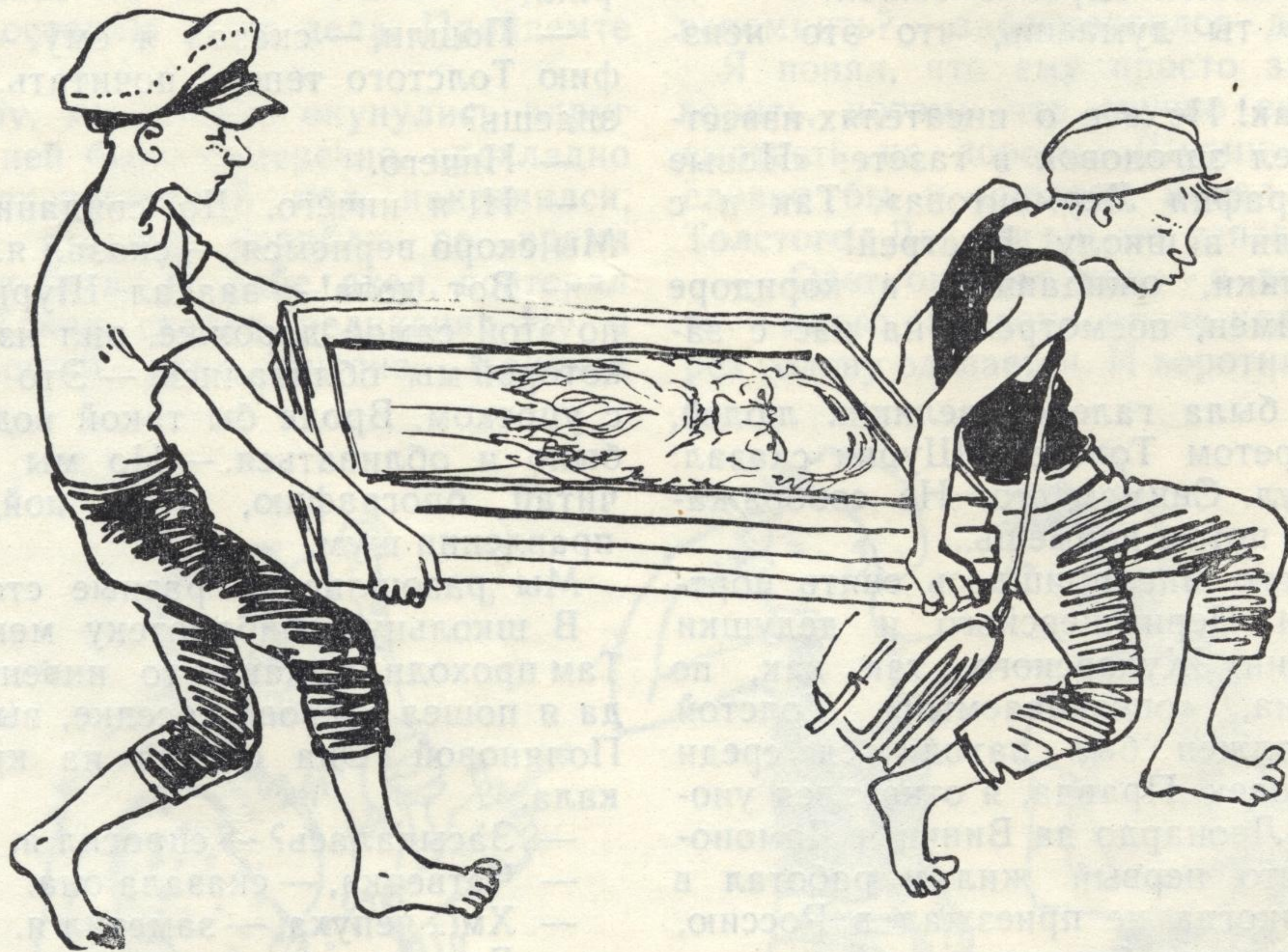
я направился к деду Антону, как на крыльцо выбежал наш директор Павел Иванович и закричал:

— Десятый класс! Где десятый класс?

И я понял, что он чем-то взбешен.

— Все ушли, — сказала Валя.

— Здесь никого, кроме вас, не было! — кричал директор. — В школе проходит инвентаризация. Я обвинен в недостатке. Если через час четыре портрета не будут висеть на своих местах, я отстраню от экзаменов весь класс!

Я понял, что лучше признаться сразу, и сказал:

— Портреты в полном порядке... вы не беспокойтесь... — и, чтобы не вдаваться в объяснения, смылся.

Павел Иванович что-то кричал мне вслед. Но я ничего не слышал.

Когда я прибежал к деду Антону, он, расположившись перед портретами, крошил в блюде с медом кусок хлеба.

— Вы что ж на обед ни мяса, ни рыбки не едите? — начал я издалека.

— Потребы нет, — сказал дед. — Я теперь такой едок — овощ, хлеб да медок. Отцова поговорка. С организмом как ведь бывает?..

Мне не терпелось, и я вежливо перебил деда.

— Простите... Вы чем-нибудь угощали того писателя, что на портрете?

— В те годы я еще мясцом баловался, — с аппетитом чмокнув, сказал дед Антон. — А угощал всегда я гостя щами скашей и салом.

— А в щах было мясо? И, может быть, каша была без сала? — замерев, задал я самый главный вопрос.

— Дурак ты, что ль? — дед Антон даже глаза на меня вытаращил. — Таких вопросов не задавай. Молчать буду.

— Вот и хорошо! Вот только еще один! — обрадовался я. — А выпить перед таким вкусным обедом... вы его угощали?

— Да без моей рябиновки и ореховки я гостя за порог не выпускал!

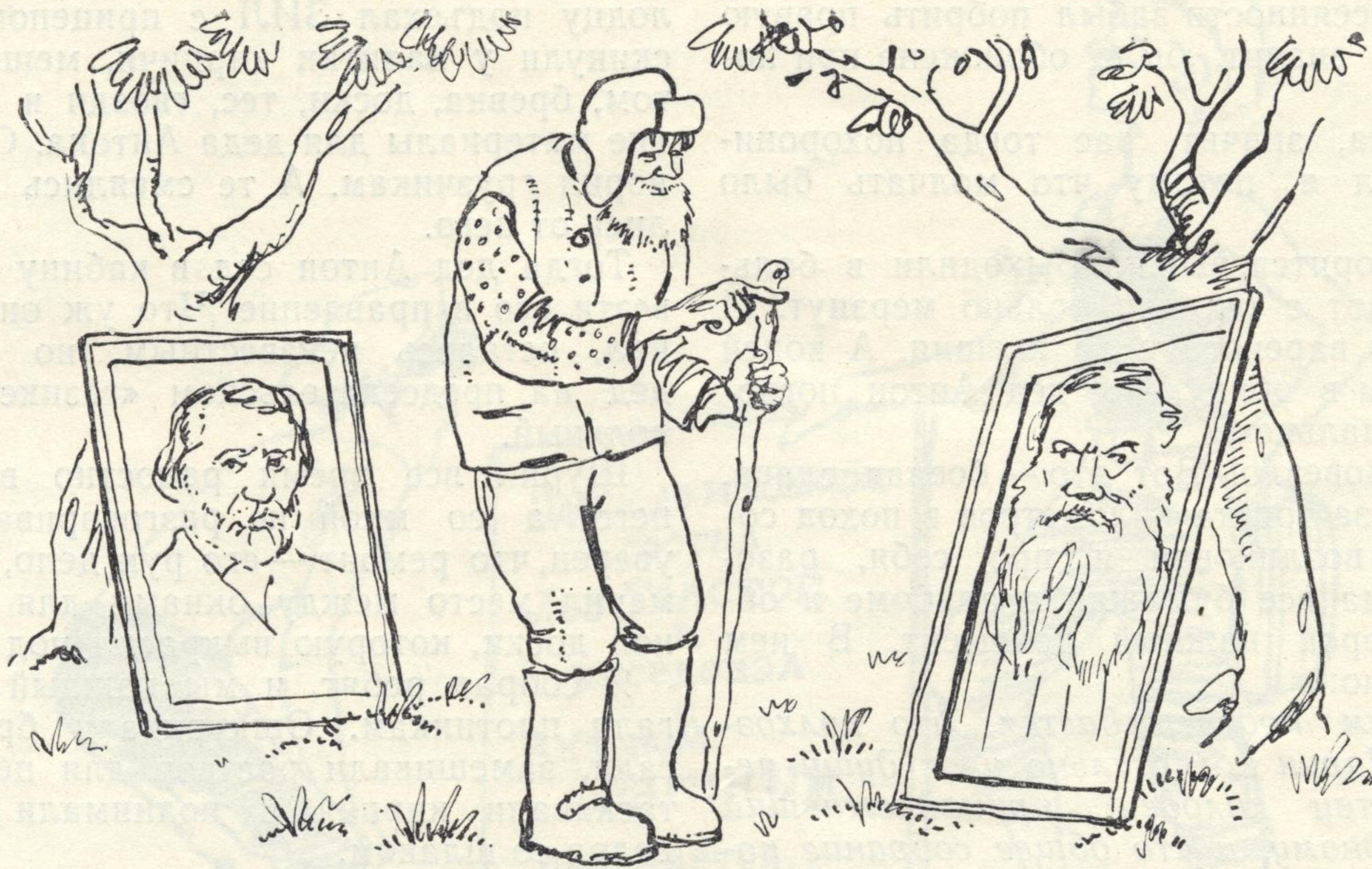
— Таки запишем, — сказал я, — «двух сортов выпивка», — и тут Шурик, который, оказывается, вернулся и слушал наш разговор, но не вмешивался, взорвался:

— Мы тут на след напали, по местам нашей славы идем, а ты заладил насчет выпивки и закуски! Меня другое интересует! Дед Антон, Толстой призывал царя свергать?

— А как же! — дед Антон подмигнул Толстому.

— Вот и запиши: «активно призывал», — сказал мне Шурик. — А интересное что-нибудь рассказывал он? Про Хаджи Мурата или про Жилина с Костылиным, или «Войну и мир»?

— О многом говорено было... Война дело дрянь... Змеиное жало! — дед сплюнул.

Я записал все в тетрадку и попросил деда Антона поставить свою подпись. Но он как-то заулыбался, закашлялся, сказал, что сроду ничего не подписывал, и налил нам по полстакана меду.

Когда мы несли портреты в школу, я сказал Шурику, что у меня есть доказательства того, что гость деда Антона не мог быть Львом Толстым, но все равно ремонта избы нужно добиться.

— Может, без Толстого попробуем? — предложил я.

— Сравнил! Кто такой дед Антон? Пробуй, если хочешь! Я добьюсь всего сам!

Так, поспорив и разругавшись, мы незаметно дошли до школы и по дороге раз десять отвечали, что не в сельпо мы купили портреты, что они казенные.

Павел Иванович, увидев нас, сразу закричал:

— За хулиганство исключил вас из турпохода!

— А вы помните, как при помощи дедукции мы отыскивали пропавший классный журнал? — спросил, не испугавшись, Шурик. — Портреты тоже нужны были для дела.

Павел Иванович прямо застонал от возмущения, но связываться с нами не стал. Он схватил портреты и побежал в школу, наверно, к своей комиссии по инвентаризации.

На следующий день я составил для себя план действий. Он был прост: собрать документы деда Антона, справки о здоровье и, если в правлении откажут в ремонте избы, пойти за помощью в комсомольский прожектор колхоза.

Дед Антон обрадовался мне и охотно вынес на крыльцо старый альбом с документами и фотографиями. Я рассматривал их и откладывал в сторонку всякие пожелтевшие справки с печатями.

Вдруг на одном снимке я увидел красивую, как в сказке, избушку, а перед ней молодого мужчину и женщину, наверно, его жену.

— Узнаешь? — спросил дед Антон. — Время, брат, время...

Я кивнул, хотя не узнал его. И избушка-красавица была непохожа на нынешнюю. Но фотокарточка пригодится еще для плотников! Они запросто все по ней восстановят.

Напоследок я развернул вырезку из газеты, вот-вот готовую рассыпаться от ветхости. Начал читать и задохнулся от волнения. Заметка была о том, как в 1925 году в нашей деревне образовался колхоз, как бандиты старались его уничтожить и однажды ночью подожгли конюшню. Кончалась заметка так:

«А первый наш конюх Антон Ларин как чуял беду и босиком по снегу прибежал спасать общее имущество — живых лошадей. Под выстрелами бандюг, рискуя опалиться дотла, он сорвал засов с горящих дверей и спас обезумевших лошадей. И когда его, обгорелого, клали в сани везти в больницу, он сказал последние свои слова: «Ну, вы тут пашите да сейте...» — и умолк. Прощай Антон! Жить тебе в наших сердцах вечно. И в истории тоже. Мы выполним план посевной!»

Партсекретарь Егор Бушуев.

У меня комок подступил к горлу, и я покраснел: ведь мы с Шуриком не раз смеялись

смотря на лицо деда Антона. Мы думали, что он по рассеянности забыл побрить правую щеку, а она, значит, была обожжена при пожаре...

— Дедушка, значит, вас тогда похоронили? — спросил я, потому что молчать было жутковато.

— Как говорится, выжил. Выходили в больнице. Ноги вот с тех пор больно мерзнут. И рука — как у вареного рака клешня. А коней я ввек не дам в обиду, — и дед Антон погрозил кому-то пальцем.

«Вот это повезло! Вот это — боевая слава, а мы за ней за триста километров в поход собирались», — возликовал я про себя, разобрал до конца все бумажки в альбоме и обнаружил второй важный документ. В нем было написано:

«Настоящим подтверждается, что колхозник Антон Ларин сознательно и от души передал обществу колодец, принадлежавший ранее ему одному, и что общее собрание постановило впредь именовать колодец «Антоновым».

— Что же, в нем вода особенная? — спросил я.

— Хрусталь! Вот какая вода. Поэтому и всякий гость ко мне часто заходил. Не мог мимо проехать, — похвалился дед Антон, задумался, закашлялся и что-то пробормотал, наверно, вспоминал прошлое.

Захватив снимок избы и два исторических документа, я побежал к председателю и в дверях правления столкнулся с Шуриком. Он чуть не плакал.

— Ну, что? — спросил я.

— Выгнал. Но я до Москвы дойду!

— Давай, давай, — сказал я и смело рванул дверь председательского кабинета.

Услышав и от меня про ремонт избышки, председатель прямо взревел от досады.

— Спрашивал осенью: «Надо чего, Антон, или не надо?» Сказал ведь: «Не надо». А теперь ходок посылает? Насчет Толстого не темните. Не маленький! А если он даже выпивал и закусывал в Антоновой избе, то что ж теперь? Снимать плотников со свинофермы? А?

Тут, чтобы не спорить без толку, я выложил документы на стол и сказал:

— Вот — читайте! Дед Антон свой колодец людям отдал и жизнью рисковал, а вы... Эх!

От злости и волнения я больше ничего не смог добавить.

Председатель раз пять прочитал заметку о подвиге и справку о колодце и хмуро сказал:

— Верну это Антону сам. Иди.

Примерно недели через две к Антонову колодцу подъехал ЗИЛ с прицепом. Грузчики скинули у калитки кирпичи, мешки с цементом, бревна, доски, тес, гвозди и разные другие материалы для деда Антона. Он что-то говорил грузчикам. А те смеялись и отмахивались от него.

Тогда дед Антон сел в кабину и велел отвезти его в правление. Что уж он там объяснял, осталось неизвестным, но возвратился дед на председательском «газике» очень довольный.

Шурик все время радостно вился около него, а со мной не разговаривал. Он был уверен, что ремонт — его рук дело, и уже примерил место между окнами для мемориальной доски, которую выкрасил под мрамор.

Я собрал ребят, и мы каждый день помогали плотникам. Ошкуривали бревна, строгаги, замешивали раствор для печника, подтаскивали кирпич и поднимали на чердак ведра со шлаком.

Между тем по деревне прошел слух, что в избе деда Антона будет теперь музей, так как в ней гостил великий человек, и что сам дед Антон продал избу за большие деньги и надумал купить финский домик и мотоцикл «Ява».

А у колодца старушки говорили, что тут вот прямо хотят построить фабрику и разливать воду в бутылки и продавать всему миру за десять копеек без посуды. И что название воды будет «Антонова».

Сам дед Антон ни на какие вопросы не отвечал, только посмеивался, покашливал да покуривал. И помогал всем как мог.

Наконец плотники сняли леса и вставили новые стекла. Девчонки вымыли полы, а мы вывезли мусор в балку и посыпали песком дорожку.

И в воскресенье около избы деда Антона неожиданно собралось много народа. И все заходили в сад, как будто в парк, без спроса, чтобы лучше осмотреть красавицу избу.

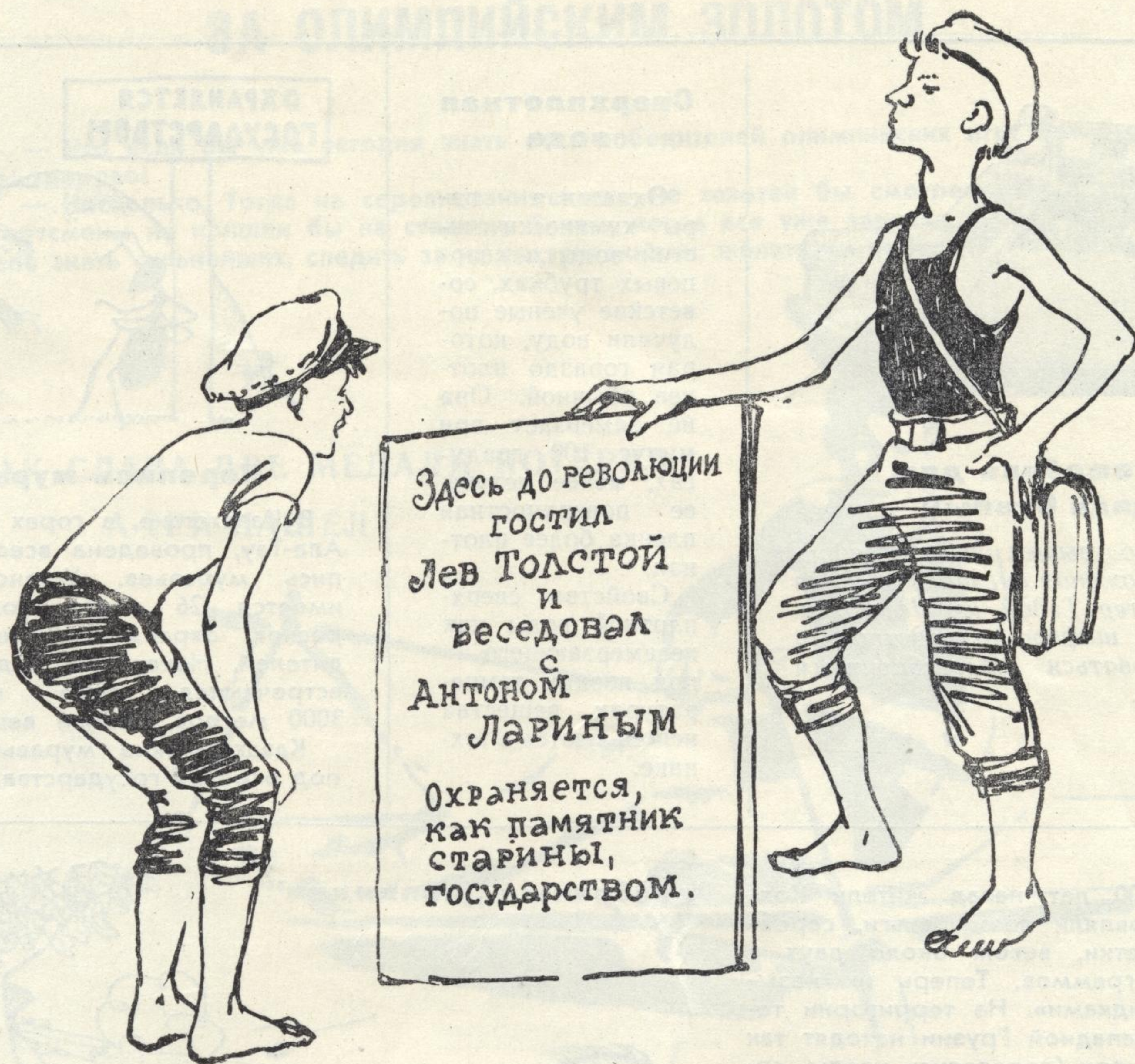
Из-за выкрашенной голубой краской резной причелины, словно краешком косынки окаймлявшей крышу, и окон, чисто глядящих в сад, избышка казалась помолодевшей лет на двести.

Шурик подошел ко мне с мемориальной доской.

Я прочитал надпись и расхохотался:

«Здесь до революции гостил Лев Толстой и беседовал с Антоном Лариным. Охраняется, как памятник старины, государством».

— Быстрее все закрась, кроме последней строки, — сказал я. — Толстого здесь никогда не было!

— Это почему же?

— Потому что при расследовании надо владеть логикой. Как Шерлок Холмс. Чем дед Антон угощал Толстого?

— Щами с мясом... и кашей с салом, — сказал Шурик.

Тогда я как можно таинственней рассказал ему, что Толстой не употреблял мяса, а ел овощи, хлеб и мед, и что дед Антон тоже так питается.

Шурик спросил:

— Может, напишем: «Возможно, здесь гостил»... А?

— Очковтирательство, — сказал я.

— Ну, тогда: «Остановился бы, если бы проехал мимо». Ведь не мог бы не остановиться. Ведь красота, не избушка! — канючил Шурик.

Но тут начался митинг.

Все произошло быстро. Председатель прочитал заметку, найденную мной, и справку про колодец, отданный дедом людям. Все закричали «ура», и многие трясли деду Антону руки.

— Не годится нам забывать своих героев, и молодцы ребята — ученики нашей школы,

что занимаются важным делом. Голова у них на плечах имеется. Это — точно. Спасибо им!

После того как все разошлись Шурик спросил у деда Антона:

— Дедушка, а зачем вы все-таки вели с нами эту игру?

— Как зачем? — удивился дед Антон и просто душно ответил: — Чтобы поиграть. Скука же вам без игры.

Шурик тут же вспыхнул:

— А у нас в деревне есть еще, ну, так сказать, дедушки, которые что-нибудь спасали или тушили?

— Вот Степка Козлов, ровесник, тоже одинок... Печь бы ему надо переложить, — сказал дед Антон, подумав.

— А он что совершил? — сказал я.

— Сорок два года, день в день, пастухом был. Вот что совершил. Попробуй-ка сам! — сказал дед Антон.

— А ведь действительно! Не шутка. Я тут как-то неделю в подпасах ходил... — согласился Шурик, и мы решили завтра же составить список знаменитых стариков нашей деревни.